

Стоял глухой зимний месяц, холодный ветер гонял снежинки, но в теплых покаях было уютно, как весной. На жаровне побулькивал горячий котелок с наваристым бульоном, который шеф-повар искусно приготовил по особой рецептуре. Настойчивый, густой аромат проникал прямо в ноздри, пробуждая аппетит.

В кипящий бульон опускали два тончайших, словно цикадиные крылышки, ломтика оленины, а затем макали их в фирменный соус шеф-повара — вкус получался необыкновенно сытным и богатым. Стоило после этого сделать глоток подогретого императорского вина, терпкого и глубокого, как тепло мгновенно разливалось от горла по всему телу, принося блаженное расслабление.

На столе красовалось множество изысканных деликатесов — каждое блюдо не уступало творениям императорских поваров.

Однако, несмотря на столь райское наслаждение, Лу Гуйюань почему-то чувствовал пустоту в душе, а любая еда казалась ему совершенно пресной и безвкусной. Ощущение было таким, будто раньше перед ним лежали несметные сокровища, а теперь он остался с пустыми руками, и от этой горькой тоски хотелось заплакать во весь голос.

Плакать, конечно, не получалось, оставалось лишь тоскливо вздыхать. Вздох за вздохом — от его вздохов процессуальные алгоритмы Системы то и дело сбоили, чуть не приводя её к полной перезагрузке от зависания.

Не в силах больше терпеть, Система подала голос:

— Хозяин, чем ты недоволен? Разве ты сам не страстно желал превратиться в ленивую рыбину, способную лишь валяться и наслаждаться жизнью? Разве нынешняя роль распутного императора не подходит для этого как нельзя лучше? Императорские удобства, никаких забот о государственных делах — только ешь, пей, развлекайся, плыви по течению сюжета, а в конце симитируй собственную смерть и сбеги, завершив задание. К тому же сможешь накопить достаточно энергии, чтобы спасти Главного Бога. Разве не прелесть? Я ведь с большим трудом выпросила у Главного Бога столь подходящую для тебя личина.

Лу Гуйюань и сам не понимал, что именно его не устраивает.

Десять лет он провел в апокалипсисе в обличье зомби, и хотя в конце концов дослужился до Короля зомби, это не отменяло того факта, что он безвозвратно утратил вкусовые ощущения и осязание, лишившись возможности наслаждаться земными яствами.

Стоило ему переродиться в человеческом теле, как духовные способности испепелились, зато вернулись и вкус, и осязание, а сам он угодил в тело правителя, который превосходно умел наслаждаться жизнью.

Судя по амплуа и сюжету, ему предстояло и дальше играть роль тирана: не утруждая себя управлением страной, он должен был упиваться деликатесами, любоваться садами и

пейзажами, песнями и плясками красавиц, время от времени взаимодействовать с главными героями ради продвижения сюжета, а в финале инсценировать кончину, выполнить задачу и собрать урожай энергии.

Сплошное императорское лежание пластом. Проще некуда, именно о таком ленивом существовании он раньше только и мечтал.

Но на душе почему-то скребли кошки, и сил ни на что не было.

Поразмыслив и не найдя причины, он в конце концов спихнул всё на усталость:

— Наверное, я просто соскучился по старшему брату?

Первые двадцать лет жизни он искренне считал себя сиротой, у которого нет родных. Рос в детском доме, поступил в университет, а затем наступил апокалипсис, превративший его в разумного мертвеца. Путь в человеческие базы ему был заказан, оставалось лишь выживать среди себе подобных, пока по чистой случайности он не выбился в Короля зомби.

Неизвестно почему, но вдруг за ним увязалась толпа человеческих магов-одаренных, которые преследовали его повсюду, находили, сколько ни беги. После нескольких смертельных стычек Лу Гуйюань расвирепел и решил больше не сдерживаться. Он устроил ответную ловушку и, сражаясь из последних сил, погубил их всех.

Совершенно случайно он поглотил крошечный светящийся шарок, вылетевший из тела одного из противников, и в его голове возникли удивительные образы, из которых он узнал страшную правду. Оказывается, мир, в котором он жил, — всего лишь книга, а он сам — её главный злодей, Король зомби. Те же, кого он уничтожил, были главными героями мужского и женского пола вместе со своей свитой — сильнейшей командой одаренных на тот момент.

Лу Гуйюань испытал смесь ярости и отчаяния: оказывается, его существование было лишь инструментом, и никто — включая взрастивший его мир — вовсе не желал ему жизни.

Из-за гибели главных героев Небесный Путь пришел в ярость: небеса заволокло грозowymi тучами, поднялся ветер, загремел грозный гром и сверкнули молнии.

Он уже думал, что падет от кары небесной, но, очнувшись, обнаружил себя в Пространстве Главного Бога среди миров. Спасший его Главный Бог объявил себя его родным братом.

Выходит, он был не одинок — у него нашелся брат!

Главный Бог поведал, что после гибели родителей их обоих определили в приют, но вскоре старшего усыновила семья и увезла за границу.

Брат всегда помнил о своем единственном младшем брате, но из-за границы никак не мог вернуться за ним.

Лишь много позже, когда старший случайно заключил контракт с Системой и начал странствовать по мирам ускоренной прокачки, он шаг за шагом прошел путь от низшего исполнителя до высшего, а затем сверг всех соперников и сам стал Главным Богом, управляющим бесчисленными мирами.

Достигнув этого титула, он наконец выяснил, что все эти миры выросли из романов.

Их родной мир — тоже. И они с родителями были лишь пушечным мясом, чьих имен даже не стоило упоминать в сюжете, а его младший брат изначально обречен был служить ступенькой для главных героев и пасть от рук команды протагонистов.

Желая изменить судьбу и спасти Лу Гуйюаня, он, преодолевая тяжелейшие раны от прежних соперников, спешно вернулся в родной мир и успел вырвать брата из лап Небесного Пути буквально за секунду до смертельного удара.

Даже будучи Главным Богом миров, он обязан был подчиняться законам мироздания.

Особенно в родном мире, где его силу ограничили уровнем сильнейшего существа этого места. К тому же он тяжело пострадал: спасая младшего брата от гнева небес, он буквально поставил на кон собственную жизнь.

Вернув едва живого Лу Гуйюаня в Пространство Главного Бога, он истратил колоссальное количество первородной энергии на его исцеление, отчего прежние раны лишь усугубились. Поэтому, едва Лу Гуйюань пришел в себя и они успели ненадолго поговорить, брату пришлось погрузиться в глубокий сон.

Всю жизнь одинокий Лу Гуйюань отчаянно жаждал обрести собственный дом и любящих родных людей. Он думал, что эта мечта никогда не сбудется, но внезапно узнал о существовании кровного брата, готового пожертвовать ради него жизнью. Как тут было не растрогаться до глубины души?

Взглянув на лицо, сходное с его собственным на добрую треть, и ощутив зов крови из самых глубин существа, он сразу понял: человек перед ним — его самый настоящий старший брат!

Оказывается, Лу Гуйюань вовсе не сирота, у него есть единственный близкий человек, и этот человек дорожит им. Этого было более чем достаточно.

Наряду с радостью и волнением сердце сжималось от тревоги за раненого брата.

Тогда Система 007 предложила ему сделку: если он свяжет свою судьбу с ней, отправится по

мелким мирам выполнять сюжетные задачи и собирать энергию, это поможет Главному Богу восстановиться куда быстрее. Система спросила, согласен ли он.

Раз уж родной брат был готов пожертвовать ради него жизнью, то отправиться по мирам ради выполнения заданий казалось сущим пустяком — пусть даже для этого придется примерить ненавистную роль главного злодея.

Он подумал, что ради спасения единственного близкого человека он стерпит всё.

Он до сих пор отчетливо помнил, как брат, несмотря на тяжелые раны, бледное и изможденное лицо, старался сохранять мягкую, любящую улыбку, глядя на него. От этого зрелища сердце сжималось так сильно, что хотелось... врезать ему кулаком по физиономии?..

Лу Гуйюань замер... Чего?..

Лу Гуйюань пришел в ужас: откуда у него могли взяться столь кошунственные и неблагодарные мысли?

Тогда-то он отчетливо чувствовал родственную теплоту и ни капли не сомневался, что перед ним его настоящий брат! С чего бы вдруг этой роже показаться ему столь раздражающей?

Помотав головой, он попытался снова представить лицо старшего брата — нет, всё равно физиономия просила кулака.

Чем больше он думал об этом, тем сильнее раздражало его лицо брата, а узы кровного родства постепенно слабели.

И это при том, что он считал себя воспитанным на девятилетнем обязательном образовании человеком с чистыми помыслами, который даже после долгих лет в обличье зомби не утратил человеческой сути! Кто бы мог подумать, что на самом деле внутри него прячется неблагодарный, бессердечный волчонок?

Неужели именно поэтому Небесный Путь и выбрал его на роль главного злодея?

Лу Гуйюань растерянно хлопал глазами, переживая глубокий экзистенциальный кризис.

Система 007 не знала о его мыслях и, услышав лишь вздох о старшем брате, осталась крайне довольна: похоже, промывка мозгов Главного Бога прошла успешно, надо продолжать в том же духе, укрепляя привязанность подопечного. Она принялась без умолку расписывать, как сильно Главный Бог дорожит своим младшеньким.

Система даже не догадывалась, что каждый раз при упоминании Главного Бога в воображении

Лу Гуйюаня возникал крошечный двойник с демоническими крыльями и огромным железным молотом в руках. Этот злобный малыш с ехидной улыбкой лупил по испуганной физиономии миниатюрного Главного Бога.

Сколько раз Система произносила это имя, столько раз маленький демон-Лу Гуйюань наносил удар.

От этих мыслей Лу Гуйюаня бросало в холодный пот, но он боялся подать виду, опасаясь, что Система заметит неладное и доложит всё Главному Богу. Пришлось сделать вид, что его привлёк вид за окном, и с восторгом уставиться на сливовую рощу.

Они находились в знаменитом столичном Павильоне Четырёх Сезонов, состоявшем из четырёх садов: восточного с персиковыми деревьями, южного с лотосами, западного с хризантемами и северного с цветущей сливой. Местные повара славились на всю округу кулинарным мастерством, перенятым у императорских мастеров.

Это место издавна привлекало чиновников, знать и приезжих ученых мужей, любивших проводить здесь досуг.

На носу стоял трехлетний Весенний экзамен, и со всех концов страны в столицу съезжались соискатели. В сливовом саду Павильона Четырёх Сезонов то и дело устраивались поэтические собрания, где студенты под снегом и ароматом слив рассуждали о стихах и прозе.

Для развлечения сюда приглашали музыкантов и танцовщиц из Цзяофансы. Если кто-то экспромтом сочинял удачное стихотворение, певицы тут же исполняли его на музыку, подогревая оживленную атмосферу.

Лу Гуйюань с интересом наблюдал за происходящим, мысленно оценивая творения книжных эрудитов: у этого слова слишком заурядные, у того содержание пустое, а вот это неплохо, полно поэтического очарования.

Стоп, с каких это пор он стал так хорошо разбираться в стихах и прозе? Разве он когда-то учился этому?

Едва Лу Гуйюань погрузился в сомнения, как внизу поднялся шум, и кто-то восторженно завопил:

— Молодой господин Сюй Цзиньши идет!

Сидевший на втором этаже Лу Гуйюань замер, и вместе с ним умолкла без усталости промывавшая ему мозги Система.

Тот самый Сюй Цзиньши и был главным героем романа.

Сюй Чжиюй по прозвищу Цзинь, сын канцлера Сюй Яньсуна, с детских лет слыл вундеркиндам и в семь лет прогремел на всю страну благодаря «Оде орхидее». Поступив в Гоцзыцзянь, он неизменно занимал первые места на экзаменах, а год назад представлял Императорскую академию на общеакадемическом турнире и взял главный приз в состязаниях по стихам, песням и каллиграфии.

Присутствовавший там министр ритуалов рассыпался в похвалах, заявляя, что у выдающегося отца не может быть слабого сына, а подобным талантом обладает лишь первый муж молодого поколения. С тех пор за ним закрепилась репутация первого мудреца Поднебесной.

Оставалось лишь гадать, сколько здесь было лести влиятельному Канцлеру Сюю, а сколько — слепого повторения слухов, обраставших всё новыми преувеличениями.

С точки зрения Лу Гуйюаня, это выглядело как типичный бустер привлекательности, нагроможденный романом ради создания идеального образа.

У него были правильные черты лица и несравненная красота — даже знаменитая первая красавица Павильона Тысячи Цветов признавала свое поражение перед его чарами. Из-за этого праздные зеваки шепотом прозвали его прекраснейшим мужем Поднебесной, и со временем это мнение стало всеобщим.

Юноша редкой красоты и утонченного ума — классический главный герой-пассивка в романах в жанре даньмэй.

Верно, перед ним была книга в жанре даньмэй, где Сюй Цзинь выступал в роли главного героя, а оригинал воплощал собой главного злодея романа — жестокого тирана Юй Сюаня. На роль же главного покровителя-героя автор отвел младшего дядю Юй Сюаня, старше его на пять лет — легендарного бога войны Чэнь-вана Юй Чжэна, прославившегося ратными подвигами и защитой границ.

Сюй Цзинь и Юй Чжэн были знакомы давно: при первой встрече они прониклись взаимной симпатией, при второй — вспыхнули страстью, но оба долго не решались признаться в чувствах, считая друг друга лишь лучшими друзьями и родственными душами.

Всё изменилось, когда Сюй Цзинь сдал столичные экзамены на звание хуэйюаня, и падкому на красоту распутному императору приглянулся молодой талант на очном туре дворцового экзамена. Правитель пожаловал ему звание чжуаньюаня, насильно забрал во дворец и запер в золотой клетке. Лишь тогда Чэнь-ван с ужасом осознал, как безумно влюблен в Сюй Цзинь.

Ради спасения возлюбленного Чэнь-ван отбросил слепую преданность трону и поднял грандиозный мятеж. Заодно он не забыл подкупить дворцовую прислугу, чтобы та помогала ему тайком связываться с Сюй Цзинь.

Острые сценки тайных свиданий двух влюбленных прямо под носом у тирана составляли одну

из главных изюминок романа.

— Ци-ци, разве ты не говорила, что Сюй Цзиньши готовится дома к экзаменам и никуда не выйдет?

Хотя все заранее прочили Сюй Цзиньши звание чжуаньюаня на грядущих экзаменах, Канцлер Сюй не ослаблял хватку: он держал сына взаперти за усердной зубрежкой и постоянно критиковал его эссе до мельчайших изъянов, боясь, что тот зазнается.

По сюжету Юй Сюань и Сюй Цзиньши должны были впервые встретиться лишь на дворцовом экзамене, вспыхнуть любовью с первого взгляда, после чего тиран прибег бы к насильственному захвату.

Во избежание лишних осложнений и сюжетных перекосов Лу Гуйюаню лучше вовсе не пересекаться с Сюй Цзиньши до положенного часа.

Во дворец он вернулся бы еще не скоро, а вышел лишь потому, что затосковал в четырех стенах и решил прогуляться, попутно осмотрев этот древний мир.

Перед выходом он ведь специально сверился с Системой: в этот момент Сюй Цзиньши должен корпеть над книгами дома и никак не мог столкнуться с ним случайно.

Система тоже зависла.

— Судя по сюжету, Сюй Цзиньши не должен был появляться на этом поэтическом сходе.

Она понятия не имела, почему произошел такой сбой.

— Впрочем, хозяин, пока ты не спускаешься к нему, ничего страшного не случится.

Тем временем Сюй Цзиньши в окружении толпы поклонников уже приближался к беседке. Он и впрямь выглядел словно нефритовое дерево на ветру — чистый, благородный, несравненный.

Певицы, танцовщицы и прислуживавшие служанки густо покраснели, а в их глазах читалось горячее ожидание: а вдруг молодой господин удостоит их хотя бы мимолетным взглядом?

Лу Гуйюань, наблюдая за этим, мысленно кивнул: неплохо, вполне оправдывает славу главного героя, но по сравнению с... — до совершенства далеко.

На этой мысли он опешил. По сравнению с кем? Разве он знал кого-то красивее Сюй Цзиньши?

Главные герои из его прежнего мира? Он уже и лиц-то их не помнил.

Чем дольше он думал об этом, тем сильнее ощущал странную пустоту в груди, будто оттуда вырвали огромный кусок живой плоти. Рана кровоточила, причиняя жгучую боль.

Таланты Сюй Цзиньши не были пустым звуком: подойдя к столику, он взял кисть, обмакнул в тушь и набросал стихотворение.

Кто-то из присутствующих подхлал бумагу и зачитал строки вслух, вызвав всеобщее одобрение. Бесспорно, поэма о сливе пера Сюй Цзиньши оказалась лучшей.

Музыкантши тут же положили стихи на музыку.

Окруженный восторженной толпой, Сюй Цзиньши с легкой, сдержанной улыбкой принимал похвалы, сохраняя невозмутимость.

Конечно, нашлись и те, кто открыто выразил несогласие. Завязался новый словесный поединок, где в ход пошли стихи и проза.

Что касалось таланта, Сюй Цзиньши был действительно хорош, но миру являлось немало одаренных людей со своими сильными сторонами, и назвать кого-то единоличным лидером не осмеливался никто.

В поэтическом искусстве Сюй Цзиньши обладал редким природным даром, недоступным другим, и среди молодежи ему действительно не было равных, однако его проза выглядела куда слабее.

Пусть сам он казался холодным и отстраненным, в стихах он излишне увлекался вычурными метафорами и строгим ритмом. Читалось это гладко, но из-за погони за внешней красотой содержание казалось несколько более пустым по сравнению с трудами других авторов.

Работы прочих участников были не столь роскошны по форме, зато отличались глубиной.

Сходу решить, чья сторона лучше, не удавалось никому.

Достойную конкуренцию Сюй Цзиньши составляли другие приезжие провинциальные ученые-цзюйжэни, обладавшие собственной гордостью. Несмотря на то, что перед ними был сын канцлера и обладатель титула первого мудреца, они не собирались сдаваться без боя и с легкостью находили изъяны в его сочинениях.

Удивительно, но Сюй Цзиньши вовсе не гневался на критику своего творчества — он смиренно принимал замечания, хотя в глазах всё равно пробивались гордость и нежелание уступать.

Весьма неплохо.

Лу Гуйюань мысленно оценил увиденное: по сравнению с...

Опять за свое! Лу Гуйюань поморщился: с кем сравнить-то?

Увлечшись раздумьями, он забыл отвести взгляд.

Система решила, что он засмотрелся на Сюй Цзинь:

— Хозяин, вынуждена напомнить: ради собственного блага остерегайся влюбляться в главного героя. Помни, ты здесь лишь странник, и у тебя нет общего будущего с туземцами этого мира.

Лу Гуйюань презрительно фыркнул:

— Влюбиться в него? Исключено. Я натурал до мозга костей, меня привлекают только женщины.

Моя мечта — найти нежную, добродечную и красивую жену, чтобы она родила мне карапуза, и каждый день проводить в тепле и уюте у домашнего очага. Вот это и есть идеальная жизнь ленивой рыбы. Мужчины? Они лишь мешают мне жениться на женщине.

Он говорил с таким жаром, но, едва закончив фразу, замер, широко распахнув глаза.

<http://bllate.org/book/21607/2228548>